

**MINISTÈRE
DE L'ÉDUCATION
NATIONALE,
DE LA JEUNESSE
ET DES SPORTS**

*Liberté
Égalité
Fraternité*

Concours externe du Capes et Cafep-Capes

Section langues vivantes étrangères : russe

Exemple de sujet pour l'épreuve écrite disciplinaire

À compter de la session 2022, les épreuves du concours externe du Capes et du Cafep-Capes sont modifiées. [L'arrêté du 25 janvier 2021](#), publié au journal officiel du 29 janvier 2021, fixe les modalités d'organisation du concours et décrit le nouveau schéma des épreuves.

1. Composition en russe

Présenter en russe une analyse critique du dossier suivant (documents A, B, C, D, E, F, G). Pour ce faire, dégagez une problématique qui servira de guide à votre analyse, présentée sous forme de texte rédigé et organisé.

Le dossier se réfère à l'axe *Territoire et mémoire*.

2. Traduction

- 2.1. **Traduisez en russe le document D de la ligne 14 (« À ces bazars, se rattache le réseau des rues commerciales... ») à la fin du texte.**
- 2.2. **Traduisez en français le document E de la ligne 14 (« Господствующий язык в Батуме ...») à la fin du texte.**

Composition du dossier :

- Document A: poème, А. Пушкин. «Кавказ».
- Document B: poème, М. Лермонтов. «Кавказ! далекая страна!».
- Document C: prose, Л. Толстой, *Казак*.
- Document D: prose, А. Dumas. *Le Caucase, nouvelles impressions de voyage*.
- Document E: prose, О. Манделштам. «Батум».
- Document F: affiche, художники А. Малеинов и В. Маслов, 1947. Плакат «Путешествуйте по горам Кавказа!».
- Document G: affiche, неизвестный художник начала XX в. Плакат «Сезон круглый год». Гагры.

DOCUMENT A

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
5 Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
10 Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
15 И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воеет, как зверь молодой,
20 Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

1829 г.

Александр ПУШКИН

DOCUMENT B

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..

- 5 Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
10 Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

1830 г.

Михаил ЛЕРМОНТОВ

DOCUMENT C

Чем дальше уезжал Оленин от центра России, тем дальше казались от него все его воспоминания, и чем ближе подъезжал к Кавказу, тем отраднее становилось ему на душе. «Уехать совсем и никогда не приезжать назад, не показываться в общество, — приходило ему иногда в голову. — А эти люди, которых я здесь вижу, — *не люди*, никто из них меня не знает, и никто никогда не может быть в Москве в том обществе, где я был, и узнать о моем прошлом. И никто из того общества не узнает, что я делал, живя между этими людьми». И совершенно новое для него чувство свободы от всего прошедшего охватывало его между этими грубыми существами, которых он встречал по дороге и которых не признавал людьми наравне с своими московскими знакомыми. Чем грубее был народ, чем меньше было признаков цивилизации, тем свободнее он чувствовал себя. Ставрополь, чрез который он должен был проезжать, огорчил его. Вывески, даже французские вывески, дамы в коляске, извозчики, стоявшие на площади, бульвар и господин в шинели и шляпе, проходивший по бульвару и оглядевший проезжего, — больно подействовали на него. «Может быть, эти люди знают кого-нибудь из моих знакомых», — и ему опять вспомнились клуб, портной, карты, свет... От Ставрополя зато все уже пошло удовлетворительно: дико и сверх того красиво и воинственно. И Оленину все становилось веселее и веселее. Все казаки, ямщики, смотрителя казались ему простыми существами, с которыми ему можно было просто шутить, беседовать, не соображая, кто к какому разряду принадлежит. Все принадлежали к роду человеческого, который был весь бессознательно мил Оленину, и все дружелюбно относились к нему.

Еще в Земле Войска Донского переменили сани на телегу; а за Ставрополем уже стало так тепло, что Оленин ехал без шубы. Была уже весна — неожиданная, веселая весна для Оленина. Ночью уже не пускали из станиц и вечером говорили, что опасно. Ванюша стал потрушивать, и ружье заряженное лежало на перекладной. Оленин стал еще веселее. На одной станции смотритель рассказал недавно случившееся страшное убийство на дороге. Стали встречаться вооруженные люди. «Вот оно где начинается!» — говорил себе Оленин и все ждал вида снеговых гор, про которые много говорили ему. Один раз, перед вечером, ногаец-ямщик плетью указал из-за туч на горы. Оленин с жадностью стал вглядываться, но было пасмурно и облака до половины застилали горы. Оленину виднелось что-то серое, белое, курчавое, и, как он ни старался, он не мог найти ничего хорошего в виде гор, про которые он столько читал и слышал. Он подумал, что горы и облака имеют совершенно одинаковый вид и что особенная красота снеговых гор, о которых ему толковали, есть такая же выдумка, как музыка Баха и *любовь* к женщине, в которые он не верил, — и он перестал дожидаться гор.

40 Лев Толстой

Казаки, глава III, 1863

DOCUMENT D

Le principal caravansérail de Tiflis a été bâti par un Arménien.

C'est un spectacle curieux que la vue de ce caravansérail, par toutes les portes duquel entrent, conduisant des chameaux, des chevaux et des ânes, des députations de toutes les nations de l'Orient et de l'Europe du Nord : Turcs, Arméniens, Arabes, Chinois, Kalmouks, Tatars, Géorgiens, Sibériens ... que sais-je, moi !

Chacun avec son type, son costume, ses armes, son caractère, sa physionomie et surtout sa coiffure, dernière chose qu'abandonnent, en général, les peuples dans les révolutions de la mode.

Deux autres caravansérails servent de succursales à celui-ci, mais ont beaucoup moins d'importance ; on ne paye rien pour le logement dans ces hôtelleries, où le Sibérien, venu d'Irkoutsk, coudoie le Persan, venu de Bagdad, et où tous ces députés du commerce des peuples orientaux semblent vivre dans une espèce de communauté; mais les propriétaires perçoivent un pour cent sur les marchandises vendues.

[À ces bazars, se rattache le réseau des rues commerciales, complètement séparé du quartier aristocratique. Chacune de ces rues est affectée à un genre d'industrie. Je ne sais pas comment ces rues s'appellent à Tiflis, je ne sais pas même si elles ont des noms ; mais, pour moi, elles n'en peuvent porter d'autres que ... la rue des Fruitières, la rue des Tailleurs, la rue des Cordonniers...

L'Orient, je l'ai déjà dit, a résolu le grand problème commercial de la suppression de l'intermédiaire ; sans doute, c'est meilleur marché, mais cette économie n'existe que dans un pays où le temps n'a aucune valeur. Un Arménien mourrait d'impatience à la fin de la première semaine de son séjour à Tiflis. Tous ces magasins ont une devanture ouverte, tous ces marchands travaillent à la vue des promeneurs ; ceux qui auraient des secrets seraient bien malheureux en Orient. Rien de plus curieux qu'un voyage à travers ces rues : l'étranger ne s'en lasse pas ; j'y allais presque tous les jours.

Alexandre Dumas

Le Caucase, nouvelles impressions de voyage, 1859]

DOCUMENT E

Батум

Весь Батум, как на ладони. Не чувствуется концов-расстояний. Бегаешь по нему, как по комнате; к тому же воздух всегда какой-то парной, комнатный. Механизм этого маленького, почти игрушечного городка, вознесенного условиями нашего времени на высоту русской спекулятивной Калифорнии, необычайно прост. [...]

Занятий у жителей нет никаких. Естественным состоянием человека считается торговля. На фоне коренного населения резко выделяются советские работники отсутствием лир и соприкосновением с черным хлебом, которого ни один настоящий батумец в глаза не видит.

Молодые константинопольские коммерсанты в ярко-желтых ботинках, перебирая янтарными четками, летают по набережной. Несмотря на свой лоск, они чем-то напоминают негров, переодетых в европейское платье, а еще больше экзотических исполнителей, некогда подвизавшихся на кафешантанских подмостках. Все двери лавок на набережной открыты. [...]

[Господствующий язык в Батуме — русский, даже самые матерые иностранцы на 3-ий день начинают говорить по-русски, это тем более забавно, что русских в Батуме почти совсем нет, да, пожалуй, и грузин немного — город без национальности — в погоне за наживой люди потеряли ее.

Вот случай, показательный для глубокого отчуждения Батума от России, — в самом большом местном кинематографе идет итальянский фильм из русской жизни: «Ванда Варенина» (одно имечко чего стоит!..) В этом изумительном сценарии русские женщины, как турчанки, ходят под черной фатой и снимают ее только в комнате, русские «князья» ходят в оперных костюмах из «Жизни за Царя», катаются на тройках в английской упряжи, причем сани напоминают замысловатый корабль скандинавских викингов. Я был на этом представлении. [...]

Что же такое теперешний Батум: вольный торговый город, Калифорния — рай золотоискателей, грязный котел хищничества и обмана, сомнительное окно в Европу для Советской страны, очаровательный полувосточный средиземный порт с турецкими кофейнями, вежливыми купцами и русскими торгующими матросами, которые топчут его хищную почву так же беззаботно, как они топтали почву Шанхая и Сан-Франциско? Будем помнить, что воздух современного Батума — солнечный, влажный и нездоровый — пропитан неуважением к будущей пролетарской России, к ее строительству, ее нравственному облику, ее страданию.

Осип Мандельштам

Воспоминания. Шум времени, 1920 г.]

DOCUMENT F

Художники А. Малеинов и В. Маслов, 1947

DOCUMENT G

Неизвестный художник начала XX в. Плакат «Сезон круглый год». Гагры